

ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ: ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Е. В. Шелестюк, В. Э. Будейко

Челябинский государственный университет

В статье представлена концепция языкового развития, лингво-конструктивистской телеологии, понятия развитого языка, в том числе, в применении к языку международного общения. Представлена философская, методологическая, лингвистическая критика понятия и термина «развитие». В отношении языкового развития рассмотрены три стороны языка как коммуникативной системы с позиции Л. В. Щербы: речевая деятельность, языковая система и языковой материал; проанализированы три функции речевой деятельности с позиции В. В. Колесова: коммуникация, трансляция и трансмутация. Выделены свойства развитого языка, затронут вопрос противоречивости использования развитого живого языка в качестве языка международного общения. Определены характеристики языковой эволюции и инволюции. Обозначена важность деятельностного подхода и целенаправленности языкового развития как субъективного фактора исследуемого процесса. Отмечено негативное влияние ограничительной, «субтрактивной» нормализации языка.

Ключевые слова: *развитие, развитие языка, методология, наука, знаки, деривация, производные, термин, понимание.*

Постановка проблемы

Понятие «языковое развитие», на первый взгляд представляющееся достаточно очевидным, при более пристальном рассмотрении оказывается спорным. В лингвистике принято говорить об эволюции языка в самом широком смысле, т. е. о качественных изменениях в его системе в результате внутриязыковых и экстралингвистических процессов, о языковом же развитии речь может идти преимущественно в смысле развития речевых способностей в онтогенезе, социальной и культурной дифференциации и усложнении языка, то есть о развитии речевой деятельности. Но релевантно ли понятие развития по отношению к языку как знаковой системе? Если понимать развитие как простую динамику изменений, то можно констатировать развитие любых языков, даже исчезающих или испытывающих субтрактивное влияние доминантных языков. Изучение языка в динамике существовало давно: сравнительно-историческое языкознание, лексикография на исторических принципах, историческая лингвистика, глоттогония — этапы и направления такого изучения.

Если же термин «языковое развитие» предполагает не просто изменение, а некое улучшение, прогресс, эволюцию, то мы неизбежно должны оценивать эти явления в оппозиции к понятиям ухудшения, регресса и инволюции. Можно ли говорить об улучшении и ухудшении, эволюции и ин-

волюции, прогрессе и регрессе языка? Можно ли говорить о совершенствовании языка как стремлении к некоей цели, акме, вершине, к которой стремится языковое развитие?

В основном мы наблюдаем стихийное, нецеленаправленное языковое изменение, хотя большинство сфер деятельности человека: экономика, социальное развитие, даже духовная сфера — в определённой степени направляются в то или иное русло перемен. Получается, что такая важная сфера социальной и духовной жизнедеятельности человека, как языковое развитие, отдано на откуп стихийным процессам. Отсюда — бесконтрольное заимствование, калькирование лексики и языковых образцов доминантной англоязычной лингвокультуры, форенизация самого языкового строя, сведение пополнения исконного лексического состава преимущественно к единицам сленговой, жаргонной и сниженно-просторечной лексики. Высокий стиль перестает творчески развиваться с помощью родных ресурсов. Художественные и публицистические дискурсы перестают использовать исконные словообразовательные средства, образно-идиоматический и синтаксический потенциал родного языка. Есть ли предпосылки для целенаправленного культивирования, строительства и совершенствования национального языка и, если да, то каковы должны быть принципы лингво-конструктивистской телеологии?

Наконец, сочетание «развитый язык», несмотря на кажущуюся очевидность, как терминологическое понятие в научных кругах не принято; есть понятие развития отдельных подсистем языков, например, говорят о языках с развитым вокализмом / консонантизмом; морфологией (суффиксацией, префиксацией, агглютинацией и т. п.); системой склонения и спряжения. Реже и преимущественно в отношении искусственных языков говорят о развитой словообразовательной, лексической и синтаксической системах, подразумевая количество, разнообразие и продуктивность лексики, словообразовательных средств, синтаксических структур. Но релевантен ли признак «развитый» по отношению к естественному языку?

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть проблему развития языка и прийти к определённым ответам на поставленные вопросы.

Определение понятия и термина «развитие»

Калькированный термин «развитие» взят или из немецкой словоформы *Entwicklung*, *f* [21. С. 611], или из французской кальки *développement*, *m*, развёртывание, расширение [7. С. 278], как словоформа морфологически аналогичная иностранному слову [18. С. 169]. Допуская два варианта источника калькирования можно утверждать, что термин вошёл через западноевропейские образ и модель в русский язык в кон. XVIII в. В религиозно-идеологическом и мифологическом проекте «Просвещения» XVII—XVIII вв. представлялось или даже предполагалось, что нечто (вещь, явление, сочетание форм) развивается, раскручивается из первоначальной праформы, которая уже в себе содержит некую схему (модель, форму, идею) этого направленного изменения к лучшему, более совершенному. Предполагалось, что сама схема, модель была или может быть заложена или Богом, или природой, или случайностью, или внутренней закономерностью — утверждение основывалось на вере, исходно присутствующей в участниках упомянутого проекта. Заметим, что утверждение было и остаётся проблематичным, т. е. сомнительным до настоящего времени.

Позднее Э. Г. Юдин определяет понятие «развитие» как «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов». Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет, по утверждению Юдина, процессы развития среди других изменений [32.

С. 409]. Исходя из этого, если изменения возвращаются, то это, по сути, процессы циклического воспроизведения постоянной функции системы. Если же отсутствует закономерность в изменениях, то это очевидно случайные процессы, иногда катастрофического (от греч. *καταστροφή* — «поворот», «переворот») вида. При отсутствии направленности такие изменения не могут накапливаться качественно и положительно, и потому процесс изменения лишается свойственной развитию единой и внутренне взаимосвязанной линии, вектора, направления. Итак, в самом понятии «развитие» изначально закладывается идея направления, хотя до настоящего времени среди лингвистов нет единого обоснованного утверждения относительно направленности, т. е. телеологии развития языка. В общем «способность к развитию составляет одно из всеобщих свойств материи и сознания», — утверждает Э. Г. Юдин [там же].

Телеологическая неопределённость порождает теоретическую полемику о путях развития языка и способах его оптимизации (например, языковом планировании), об искусственном вмешательстве (языковой политике) в исторический процесс языковых изменений.

После 1991 г., когда были открыты некоторые возможности для методологической и философской критики диалектического и исторического материализма, были обнаружены любопытные материалы, вскрывающие некоторые слабые стороны понятия и термина «развитие» применительно к разным научным объектам. В числе критиков мы видим и писателей, и экономистов, и филологов, и философов, и богословов, и представителей искусства. Число критиков не убывает, но растёт.

В. В. Кожин, анализируя термин «прогресс» и «развитие» писал: «в соответствующей статье Большой Советской Энциклопедии (т. 21, издан в 1975 году) сначала заявлено, что прогресс есть «переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному» (с. 28), а потом сказано, что «понятие прогресса неприменимо ко Вселенной в целом, т. к. здесь отсутствует однозначно определённое направление развития» (с. 29). Это вроде бы надо понять так, что в развитии человеческого общества (в отличие от Вселенной в целом) царит одно вполне «определённое» направление развития (к совершенству), однако в другом месте статьи говорится, что «в досоциалистических формациях... одни элементы социального целого систематически прогрессируют за счёт других», то есть, говоря

попросту, что-то улучшается, а что-то одновременно ухудшается... И даже «социалистическое общество... не отменяет противоречивости развития». Эти оговорки в официальном издании советского времени, по существу, *отрицают* идею прогресса, ибо оказывается, что приобретения в то же самое время ведут к утратам. И крайне сомнительно само уже «выведение» бытия людей из бытия Вселенной в целом, где даже с точки зрения самих прогрессистов нет прогресса (в смысле «совершенствования»); ведь люди, в частности, представляют собой не только особенный — общественный, социальный — феномен, но и явление природы, элемент Вселенной в её целом... Словом, можно рассуждать о прогрессе как определённом развитии, изменении, преобразовании общества, но представление о прогрессе как о некоем принципиальном «улучшении», «совершенствовании» и т. п. — это только *миф* новейшего времени — с XVII — XVIII веков (основательный повод для размышлений даёт тот факт, что ранее в сознании людей господствовал противоположный миф, согласно которому «золотой век» остался в прошлом...). Миф о всё нарастающем «совершенствовании» человеческого общества наглядно опровергается простым сопоставлением конкретных и целостных воплощений этого общества на разных — отвлечённых столетиями и тысячелетиями — стадиях... кто, в самом деле, решится утверждать, что Платон и Фидий, Христовы апостолы и император Марк Аврелий, Сергей Радонежский и Андрей Рублев менее «совершенны», нежели самые «совершенные» люди нашего времени, которым предшествовал столь длительный человеческий «прогресс»?... Несмотря на то, что миф о прогрессе в последнее время заметно дискредитировался, он всё же остаётся достоянием большинства (или, пожалуй, даже подавляющего большинства) «цивилизованных» людей. Ведь как уже сказано, вера в прогресс явилась заменой веры в Бога, а люди не могут жить вообще без веры. И масса людей проникнута всецело иллюзорным убеждением, что, «усовершенствуя» существующее общество, они — или хотя бы их дети — обретут подлинное удовлетворение и счастье» [12. С. 31—32] (*авторский курсив*).

Подытоживая своё исследование о «прогрессе и развитии» на большом историческом и фактическом материале, В. В. Кожин пишет, что уровень понимания и глубины мыслей «так называемых, прогрессистов» прямо зависит от уровня их духовной зрелости, не ума, а именно духовной мудрости

своей цельной личности; иными словами: чем ниже духовная зрелость, тем более яростно, примитивно и поверхностно мыслит «прогрессист» [там же С. 34].

Языковедческой иллюстрацией изменений в языке за счёт других ресурсных перемен, когда языковая эволюция переходит в инволюцию, является фрагмент больших фонетических перемен в древнегреческом языке начала нашей эры, о чём пишет М. Н. Славягинская: «В системе вокализма различия гласных по долготе и краткости постепенно исчезали, во II—III вв. по Р.Х. это привело к смене типа ударения — музыкального на динамическое; сложная система дифтонгов стала упрощаться ещё с V в. до Р.Х., когда монофтонгизировался дифтонг *ou*; свёртывание (инволюция) греческого вокализма привела к тому, что гласные *ι* и *η*, а в некоторых регионах также *υ* совпали в произношении [*i*] (итацизм, или йотацизм). К I в. до Р.Х. полностью исчезла из письма йота в дифтонгах с 1-м долгим гласным» [23. С. 438]. Эта частная иллюстрация может служить доводом в пользу утверждения, как за счёт одной страты развёртывается другая языковая страта.

Философ К. Н. Леонтьев (1831—1891), исследовавший процесс развития на обширном историческом материале, подытоживая свои рассуждения, писал следующее: «Идея же развития собственно соответствует в тех реальных, точных науках, из которых она перенесена в историческую область, *некоему сложному процессу* и, заметим, *нередко вовсе противоположному с процессом распространения, разлития*, процессу как бы враждебному этому последнему процессу» [Леонтьев 2003: 74—75].

Здесь же К. Н. Леонтьев даёт определение развития — это «*постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему* (как видим, это один из основных признаков языковой эволюции, противоположное ведёт к инволюции. — В. Б.), постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, *от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений*. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, *увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства*. Так что *высшая точка развития* не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, *есть высшая степень сложности, объединённая таким внутренним деспотическим*

единством» [там же: с. 75] (выделено авторским курсивом). Анализируя явления органической, общественной, государственной, культурной жизни за последние 7000 лет К. Н. Леонтьев приходит к следующей схеме развития: а) период первоначальной простоты (древние общества), б) период цветущей сложности (средние века и до середины XIX в.), в) вторичное смесительное упрощение, которое предвещает проблематичное продолжение этого процесса. К. Н. Леонтьев отмечает, что третьему (современному) периоду свойственно расстройство формы (или форм выражения, смесительность), сопровождаемое *общностью с окружающим* (т. е. эклектикой), где «форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи (содержанию, содержанию традиции. — В. Б.) разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [там же: 82]. Заметим, что разрушение формы в XXI в. становится приметой времени.

Из этого образного, метафорического определения, как нам представляется, следует: а) современная господствующая методология филологии есть методология заёмная, перенесённая из точных наук, термин и понятие взяты из иной по сущности методологической базы; б) развитие не есть процесс линейный (это, пожалуй, самое популярное заблуждение) и непрерывный в своих качественных изменениях; в) действительное развитие применительно к языку нуждается в некоей дополнительной энергии, исходящей от человека. Антропологический характер и антропологическую мотивацию в совершенствовании языковой деятельности обсудим ниже.

Применительно к антропологическому аспекту в сравнительном языковедении В. фон Гумбольдт утверждал, что законы развития языка зависят от законов развития духа [22. С. 159]. Понятия «духовное», «дух» имеют длительную историю подмен XX в., однако они глубоко и добросовестно исследованы в нашей культуре. Понятие «дух / духовное» определяется следующим образом: дух проявляется в трёх видах: а) страх Божий, который есть благоговейный трепет пред величием Божиим, неразрывно связанный с верою в истину Божественного бытия; б) совесть, указывающая человеку, что право и что неправое, что угодно Богу и что не угодно, что должно и чего не должно делать и мыслить сообразно духовным законам. Совесть не только указывает, а и понуждает человека исполнять указываемое (так называемый, трансцендентный опыт), за исполнение совесть

награждает утешением души и духа, а за неисполнение наказывает внутренним угрызением, душевным беспокойством, мятежностью души и духа, ибо совесть есть внутренний судия человека — блюститель закона духовной жизни (известно, что наш народ называет совесть «гласом Божиим» в душе человека); в) жажда Бога, которая есть искание Бога, стремление к соединению с Богом, ибо ничем тварным и земным дух человеческий удовлетвориться не может, поскольку каждый человек сколькими и сколь разнообразными благами не обладал бы, ему всё желается чего-то большего; таковая неудовлетворённость доказывает, что у духа человеческого есть стремление к высшему, идеальному, абсолютному [1]. Как правило, духовные проявления в человеке выражаются и в духовном языковом творчестве: поэзии, прозе, верлибре. Это духовное языковое творчество можно изучать, оно требует от творческого человека богатого, выразительного, точного, логичного, уместного, правильного языка и особенно нуждается в нём. Поскольку дух народа творит своеобразные формы, то русский народ создал в течение тысячелетия свой богослужебный язык, привив ветвь древнеболгарского церковного языка к древнерусскому основанию — в итоге получился церковнославянский язык русского извода (русской редакции с 988 г. по настоящее время), а в современной страте литературного языка — образовался новый церковно-религиозный стиль русского литературного языка (XIX—XXI вв.) [25. С. 612—616].

Возражения могут быть сняты адекватным подходом к национальным особенностям русского языка и языкового сознания. А. С. Хомяков так определил расхождение между западным и русским подходом к проблеме познания: с XI в. Запад (католицизм и католическая схоластика) решение познания истины усматривал в деятельности *ratio*, а Восток (восточное православие и его патристика) — в целостности познающего человеческого духа: «Рим разорвал всякую связь между познанием и внутренним совершенством духа» [27. С. 55].

На это же методологическое и онтологическое расхождение пространно указывал И. В. Киреевский: «Стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся, прежде всего, о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные — более о внешней связи понятий. Восточные, для достижения полноты истины, ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия

умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности...» [15. С. 274]. Вероятно, именно поэтому западная методология от целомудрия познающей истину личности оставила нам только научный стиль и заботу о научной этике, т. е. форму, не наполненную соответствующим духовным содержанием.

Доминирование западной парадигмы в познании мира, как мы полагаем, привело ко внутреннему разделению между людьми и грядущим чередующимся перманентным кризисам, в том числе к умиранию и гибели языков. Ежегодно, по данным ЮНЕСКО в мире вымирает около 90 языков.

Указывая на законы развития языка, Б. А. Серебренников указывал на то, что развитие характеризуется «прежде всего в росте словарного состава языка и в увеличении количества значений слов... Слова становятся способными передавать самые тонкие значения» [22. С. 160]. Опираясь на труды наших отечественных лексикографов, в словарном составе русского языка мы наблюдаем явное инволюционное падение, начиная с XVIII столетия, многих показателей, включая лексический потенциал, способный передавать тонкие значения духовного состояния человека.

Раскрывая сущность сознательной направленности жизни человека, биолог, физиолог А. А. Ухтомский, изучив сознательную жизнедеятельность людей и животных, вывел как общую доминанту русского народа стремление к абсолютной правде и добру [26]. И. А. Ильин (1883—1954) отмечал духовность как доминанту русского народа [10. С. 8]. Митрополит Иоанн (Снычев) также писал о главном общем свойстве русского человека как о начале святости, искании абсолютного добра [11]. Отсюда следует, что культура добра и правды должна была каким-то образом отразиться в словаре русского языка. И это так. Словари XI—XVII вв. отражают эту духовную направленность: более 200 дериватов с корнем -добр- и прав-/правд-, не считая слов с приставками мы находим в текстах этого времени. Иная картина в словарях XX в., указывающих на показатели, уступающие прежним в 3—4 раза, чем отмечается очевидное падение культуры добра и правды в русском народе. Увеличение количества слов специальных, технических и научных

терминов в русских словарях выражает общую направленность противоположную духовному устремлению человека, т. е. направленность бытоулучшения, обмирщённости, утилитаризма, прагматизма.

Вектор развития (языковая телеология) зависит от высокой цели, цели связанной с духовными предметами, то время как практическая деятельность может обходиться низкими стилем, простыми формами выражения, весьма формально и поверхностно связанными с человеческой сущностью и глубиной понимания, душой и духом. Прирост лексики на прагматическом уровне носит временный характер, в связи с нарастанием технического прогресса лексическая система порождает обилие специальных средств в деловом, научном, технологическом, техническом стилях (согласно гипотезе Б. Н. Головина), такая лексика относительно быстро устаревает, поскольку держится на смене технических предметов, технологий; лексика, связанная с этими предметами периодически уходит в историзмы. Иное мы наблюдаем на высоком уровне стилей книжного, духовного свойства, где лексика удерживается столетиями, порождая новые дериваты и значения. Таким образом, цель и направленность развития языка прямо зависят от того, чему служит народ: правде или пользе. Отсюда возможно определиться с терминами, о каком развитии надо вести речь: о духовном развитии языка или об утилитарной направленности его изменений. Качество лексики, характер её новаций и заимствований определить не составит труда.

Речевая коммуникация и языковое развитие

Исходя из понимания Л. В. Щербой теории языка, речевая коммуникация складывается из трёх составляющих: речевой деятельности, языковой системы и языкового материала [31]. Несмотря на особую значимость речи, заключающуюся в её повседневном, насущном употреблении, несмотря на наблюдаемость речевой деятельности и определяемых ею дискурсов, сама речь и речевая деятельность базируются на состоянии языковой системы и языкового материала, их гибкости, богатстве, развитости, позволяющих выполнять основные функции языка: коммуникативную, когнитивную, номинативную, кумулятивную. В языковой системе большую роль играет объём и многообразие

языковых средств: лексики, которая свидетельствует о величине и сложности тезауруса, системы понятий и концептов той или иной лингвокультуры; идиоматики; продуктивных словообразовательных средств; синтаксических конструкций, позволяющих выразить сколь угодно логически сложные, прагматически и семантически насыщенные мысли. В языковом материале важен объём, стилистическое и жанровое разнообразие накопленного корпуса речений на том или ином языке, обилие паремических, афористических, прецедентных высказываний, прецедентных текстов, несущих закрепившиеся в языковом сознании того или иного народа смыслы. Таким образом, развитием языковой системы и богатством языкового материала обеспечивается комбинаторная гибкость, предметно-логическая точность и прагматическая успешность речи. Языковая система и языковой материал составляют устойчивый материализованный субстрат для функционирования речи, для речевой деятельности, они представляют собой язык в константном, фиксированном виде, а речевая деятельность есть язык в подвижном, видоизменяющемся виде.

Помимо теоретических положений Л. В. Щербы, некоторые глубокие замечания о развитии в языке были высказаны В. В. Колесовым [13]. Исследователь определил три сферы (аспекта, составляющих) речевой деятельности, успешное функционирование которых свидетельствует о развитии языка:

А) коммуникация, общение с помощью языковых знаков осуществляется между ныне живущими поколениями людей и происходит в сфере настоящего; это воплощённое *сознание* функционально взаимно равных участников общения;

Б) трансляция, перенесение, перевод *знания* от старших к младшим через обучение; это переход от прошлого в настоящее, где основным участником неравного процесса оказывается учитель;

В) трансмутация, перемена, обмен при появлении нового знания в творчестве познания, которое устремлено от настоящего в будущее, где основным лицом этой языковой деятельности является учёный-новатор (филолог, учёный поэт, писатель, poeta doctus).

Необходимым условием, обеспечивающим успешное развитие трёх аспектов речевой и языковой деятельности, является *понимание*, которое безусловно основывается на уважении и любви (заметим, на категориях духовно-нравствен-

ных). Вектор, синтезирующий *знание, сознание, познание*, движется из прошлого в настоящее, из настоящего — в будущее. «Разрыв постепенности в организации семантической структуры языка грозит бедой: возможно нарушение традиции, падение семантической энергии слова, разрушение сложной системы стилей (см. выше идею К. Н. Леонтьева о современном разрушении формы. — В. Б.). Диалектика развития семантических структур определяется взаимным соотношением всех трёх сфер речевой деятельности. Предпочтение информационно-коммуникативных сфер всем остальным ведёт к уничтожению традиции и прекращает развитие нового знания» [13. С. 10—11]. Иными словами, нарушение этих общих условий ведёт к инволюции языка.

Понятие развитого языка включает определённые признаки, среди которых важными, на наш взгляд, можно считать следующие:

1) большое количество лексики, отражающее множество понятий и концептов, обозначенных этой лексикой;

2) широкая употребимость, широкая контекстуальная и стилистическая приемлемость разнообразной лексики, включая архаизмы и лексические инновации;

3) простое и лёгкое словообразование и, одновременно, понятийно и коннотативно разнообразные морфологические средства; лёгкость, продуктивность, логичность словообразовательных способов с минимальным количеством исключений и ограничений;

4) богатый и разнообразный синтаксис: разнообразие сложных предложений, синтаксических оборотов, союзов, выражающих те или иные нюансы логических отношений между предметами, а также модальность;

5) простое словоизменение: ограниченное число словоизменяемых морфем; простота, логичность и унифицированность систем склонения и спряжения, грамматических парадигм изменяемых частей речи с минимальным количеством исключений и ограничений; простота, логичность и унифицированность выражения грамматических категорий;

6) небольшое количество неполных парадигм, «недостаточных» частей речи;

7) широкая полисемия, семантические процессы и изменения семантической структуры слов на прозрачной, логичной основе.

Таким образом, богатство и разнообразие лексической, словообразовательной и синтаксиче-

ской систем могут свидетельствовать о языковой эволюции, а сложность словоизменительной системы, нарушение логики языка и обилие исключений из правил могут вести к языковой инволюции.

Несмотря на позитивную коннотацию понятия «развитый язык», по мнению теоретиков искусственного международного вспомогательного языка, чрезмерное проявление перечисленных выше признаков препятствует использованию развитого национального языка в качестве языка международного общения. Для международного вспомогательного языка противопоказана языковая сложность — в идеале этот язык должен быть как можно более простым. Усложняющими факторами языков являются: 1) разнообразие элементов; так, если в каком-то языке восемь согласных, а в другом — 60, то первый язык по системе согласных проще, чем второй; 2) неважнооднозначное соответствие между формой и значением на уровне грамматики языка: если одна и та же форма в некотором языке образуется десятью разными способами, то это сложнее, чем если эта форма образуется одним способом, скажем, в английском языке множественное число у абсолютного большинства существительных образуется регулярно при помощи одного и того же окончания *-s*, а в русском и немецком — множеством способов, ср. нем. *Baum* — *Bäume*, *Vater* — *Väter*, *Ziegel* — *Ziegel*, *Rand* — *Ränder*; дерево — деревья, отец — отцы, кирпич — кирпичи, край — края; 3) неважнооднозначное соответствие между формой и значением на уровне фразы (текста), согласование; так, множественное число по-английски выражается одним раз — в окончании существительного, а в русском языке — и в окончании прилагательного, и в окончании существительного [20].

Таким образом, сложная лексическая система, грамматика, фонетика затрудняют коммуникацию, не позволяют языку оптимально эффективно выполнять его основную — коммуникативную — функцию. Эта функция, являющаяся центральной для языка международного общения, предполагает упрощение, экономию языковых средств. Так, количество слов в языке не должно быть чрезмерно большим, их изучение не должно занимать слишком много времени, нужен тезаурус, необходимый и достаточный для эффективной коммуникации; не должно быть обязательным изучение редкой лексики, имеющей избирательное словоупотребление из-за валентностных, стилистических, контекстуальных, коннотативных ограничений.

Нежелательно изобилие словоизменительных морфем, сложные системы склонения и спряжения, множественные исключения из правил, так называемые «неполные» парадигмы, «недостаточные» части речи, затрудняющие выполнение языком коммуникативной функции. В то же время, неудобны и слишком обширные полисемия и омонимия, порождающие двусмысленности, включая омонимичные словоизменительные средства, а также отсутствие или минимум словоизменения и словоизменительных средств, чрезмерно повышающие роль порядка слов в предложении, особенностей произнесения слов (например, разные типы тонического ударения) и других дополнительных факторов.

И. Гаршин на примере английского отмечает, что это развитый язык с логичным, простым для формулировки мысли синтаксисом и гибкой словообразовательной системой, которая позволяет носителям «на лету» создавать слова для любых новых понятий — как научно-технических терминов, так и культурных явлений с тонкостями эмоционального отношения к ним. Причём, что очень важно — слова краткие. Но, в то же время, неудержимо обогащая свой словарный запас, английский становится чрезмерно громоздким. Кроме того, английский язык не годится на роль международного поскольку в нём произношение слабо связано с написанием слов и достаточно сложная фонетика, делающая непонятной «английскую» речь народов со значительно отличающимися артикуляционными привычками. Таким образом, английский язык следует признать одним из самых развитых языков мира, но его недостатки представляются слишком значительными для признания за ним статуса мирового языка, и существует необходимость искусственного «всеобщего планового языка» [8].

По мнению интерлингвистов, в принципе любой национальный язык слабо годится на роль международного: а) потому что это даёт ничем не оправданное преимущество представителям одних наций в ущерб другим (языковой шовинизм); б) потому что нет и не будет согласия в выборе такого языка; в) потому что изучение другого национального языка до высокого продуктивного уровня — тяжёлая задача, сопряжённая с отвлечением ресурсов (времени, умственных усилий, памяти) от других дисциплин, при этом во многих случаях не увенчивающаяся значимым успехом.

Предварительные выводы и рекомендации

Выше мы затронули основополагающий комплекс составляющих развития вообще и языкового развития, в частности. Исходя из вышеизложенных положений, цель языка, вектор его развития (языковая телеология) связаны с духовными предметами, с сущностью, душой и духом народа. Развитие прогресса порождает обилие языковых средств в деловом, научном, технологическом, техническом стилях, однако развитие языка этим далеко не ограничивается, поскольку лексика, связанная с этими предметами, периодически уходит в историзмы. Иное мы наблюдаем на высоком уровне стилей книжного, духовного свойства, где лексика удерживается столетиями, порождая новые дериваты и значения. Этой лексикой и соответствующими понятиями и определяется вектор языкового развития от традиции к инновации.

Мы можем говорить об эволюции, прогрессе в развитии языка, если соблюдаются следующие условия: 1) принцип синергии, упорядоченного взаимодействия языковой системы с внешней средой и компонентов внутри системы с оптимальной эмерджентностью; синергетическая языковая система стабильна и благоприятна для коммуникации, трансляции и трансмутации знаний в соответствии с онтологией той или иной лингвокультуры, с лингвистической и культурной традицией; 2) улучшение выполнения национальным языком всех основных языковых функций (коммуникативной, когнитивно-номинативной, экспрессивной, кумулятивной, транслятивной, трансмутативной); 3) постоянное обогащение лексики на основе исконного словообразовательного материала, а не заимствований из *lingua franca*; развитие исконных (родных) словообразовательных средств; лёгкость создания и ассимиляции неологизмов из национального морфемного материала, калькирование иностранных неологизмов; сохранение важных старых слов и концептов, особенно абстрактных, культурообразующих и культуродифференцирующих; 4) разработка синтаксиса, обогащение союзов и синтактико-риторических конструкций с целью выражения различных логических отношений и прагматических установок; 5) реализация принципа широкой употребимости, предполагающего широкую контекстуальную и стилистическую приемлемость литературных единиц родного словаря, включая архаизмы и лексические инновации; 6) улучшение коммуникативных

свойств речи на высоком уровне речевого проявления: правильности речи, точности, логичности, чистоты, красоты, выразительности, богатства и разнообразия, уместности; качество порождаемых текстов должно анализироваться по этим параметрам. Понятие же инволюции, регресса языка, вероятно, предполагает такое состояние языка, когда он: 1) лишается синергии, гармонии, распадается на разнородные компоненты и функции, не скреплённые общей функцией (целью); прекращает продуцирование нового знания в русле традиции; 2) недостаточно эффективно выполняет свои функции, утрачивает способность стимулировать мышление на продуцирование новых смыслов, коммуницировать, номинировать, накапливать и развивать культурные концепты и константы; 3) «съёживается», сворачивает «высокие» дискурсы на исконном языковом материале, утрачивает лексику, а вместе с ней понятия и смыслы, теряет продуктивность исконных словообразовательных морфем; 4) проявляет обеднение (бедность) синтаксиса, логических средств связности, синтактико-риторических конструкций; 5) ограничивает употребимость литературной лексики, налагает множество формальных, контекстуальных и стилистических ограничений, способствует появлению «недостаточных» слов, выпадению из словаря ценных обозначений (в т. ч. духовных понятий); 6) не способствует улучшению коммуникативных свойств речи на высоком уровне речевого проявления, с готовностью создавая и ассимилируя исконную лексику и речевые образцы лишь низких регистров.

Помимо обсуждаемых выше объективных закономерностей языкового развития, важны и целенаправленность и деятельностный подход в отношении языка говорящих на нем субъектов. Постулируем следующую закономерность: *в какой язык вкладываются ресурсы, тот язык и развивается, и развивается он в той мере, в какой в него вкладываются ресурсы.* То есть если прикладываются усилия и тратится время учебы на изучение языка, финансово поощряется написание учебных пособий на нём, создается тренд и финансируется написание художественных и публицистических произведений на этом языке, официально-деловых и научных текстов, изучается его литературное наследие, создаются словари и корпуса и т. д., то язык увеличивается в отношении дискурсов, расширяется в отношении количества лексических единиц и оборотов,

углубляется в отношении семантико-смысловой ёмкости. Языковой материал на нём обогащается, обогащается и система, позволяющая в речевой деятельности артикулировать самые разнообразные смыслы. Если в язык не вкладываются ресурсы, он, напротив, сворачивается и сводится к обыденным формам устного общения.

Заметим, что под выражением «вкладываться в язык» мы понимаем вложение ресурсов именно в языковое развитие: написание литературы на языке, разработку словообразовательных средств, словотворчество в соответствии с традициями и инновациями и т. д. — все это с *минимальными ограничениями в ходе нормализации языка*. Ограничительная, «субтрактивная» нормализация, нацеленная на исключение из словарей лексики, не соответствующей тем или иным жёстким нормам, на ограничение хождения тех или иных выражений простым фактом отказа от их регистрации в словарях, не способствует языковому развитию. В России, к сожалению, на протяжении десятилетий доминировала эта тенденция, именно поэтому академические словари русского языка содержат значительно меньше единиц языка, чем их бытует в реальности. То есть языковой материал недостаточно эффективно обрабатывается, из языковой системы легкомысленно отсеиваются ценные единицы речевого опыта. Этому есть много подтверждений, приведём здесь хотя бы факт значительно большего объема лексических единиц по сравнению с обычными словарями в переводческих ресурсах, на которых пользователи могут самостоятельно добавлять адекватные переводные эквиваленты, например, в multitrans.

Отказ от включения в словари лексики абстрактного, духовного плана на основании ее якобы «архаичности», а также окказиональных, хотя и удачных, продуктов словотворчества вредит языковому развитию. Негативный эффект ограничительной нормализации состоит также в том, что она не расширяет словообразовательных и синтаксических возможностей языка; в словарях и справочниках не фиксируются словоупотребления, «разламывающие» негибкие лексико-грамматические парадигмы так называемых недостаточных глаголов, существительных, прилагательных, а отсутствие образцов словоупотребления может вести к значительному количеству единиц, которые возможно употребить только в определённых ограниченных формах и контекстах. Слов с неполной парадигмой, недостаточными формами и ограниченным словоупотреблением в русском языке, к сожалению, много больше, чем в гибком и многообразном английском.

Если мы предпочитаем вкладывать ресурсы в иностранный язык — точнее, в т. н. «глобальный» английский язык, то мы, как и другие страны мира, способствуем его обогащению, «разбуханию» дискурсов на нём, а также его закреплению в различных сферах социального взаимодействия, ранее обслуживаемых национальными языками. Если же мы пойдём наперекор навязанной лингвистической моде и начнем вкладываться в развитие национальных языков, то, соответственно, будет обогащаться их языковой материал, языковая система и речь (дискурсы).

Список литературы

1. Аверкий, архим. Духовность и душевность. — Мюнхень, 1949. — 12 с. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/ Дата обращения 29.07.2018 г.
2. Ахманова, О. С. Терминология лингвистическая / О. С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 509.
3. Биржакова, Е. Э., Воинова, А. А., Кутина, Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка VIII в. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1972. — С. 259.
4. Будейко, В. Э. Ментальные репрезентации в русских азбучных дериватах / В. Э. Будейко // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. 22—24.05.2014 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; отв. ред. Е. И. Голованова. М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Челябинск. гос. ун-т, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. — С. 290—293.

5. Будейко, В. Э. Гносеологическая характеристика словаря русских алфавитных дериватов / В. Э. Будейко // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск (ИА и ЭСО РАН). 2014. — № 3 (45). — С. 71—72.
6. Васильева, Н. В. Термин / Н. В. Васильева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 508—509.
7. Ганшина, К. А. Французско-русский словарь. — М.: Рус. язык, 1987. — 963 с.: табл.
8. Гаршин, И. Постановка проблемы: зачем нужен мировой плановый язык? // URL: http://www.garshin.ru/linguistics/model/crealinguistics.html#_why (01.11.2018).
9. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
10. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований. — М.: Рус. кн., 1998. — 573 с.
11. Иоанн (Снычев). Одоление смуты: Слово к Русскому Народу. СПб.: «Царское Дело», 1995. — 352 с.
12. Кожин, В. В. Россия. Век XX-й. (1901—1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.
13. Колесов, В. В. Философия русского слова. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.
14. Кубрякова, Е. С. Деривация / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 129—130.
15. Киреевский, И. В. О характере просвещения Европы. // Критика и эстетика. — М.: Искусство, 1979. — 456 с.
16. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. Изд. 3-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.
17. Леонтьев, К. Н. Храм и Церковь / Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891). — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 636, [4] с.
18. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. — 280 с.
19. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
20. Пиперски, А. Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2017. — 223 с.
21. РНС — Русско-немецкий словарь. Ок. 53 000 слов / под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна, Р. Эккерта. — М.: Изд-во «Русский язык», 1978. — 847 с.: табл.
22. Серебренников, Б. А. Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 159—160.
23. Славятинская, М. Н. Греческий язык // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006 — Т. XII. — С. 436—443.
24. Степанов, Ю. С. Язык. Причина и Цель Эволюции. / Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр., доп. — М.: Академический Проект, 2001. — С. 903—972.
25. СЭСРЯ — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожин. Редколлегия: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.
26. Ухтомский, А. А. Доминанта. — СПб.: «Питер», 2002. — 448 с.
27. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. Изд. 3. — М., 1886. — Т. 2. — С. 5—107.
28. Шанский, Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр., доп. / Под ред. С. Г. Бархударова. — М.: Просвещение, 1971. — 541 с.
29. Шаповалова, О. А. Этимологический словарь русского языка. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — 240 с.
30. Шелестюк, Е. В. Английский язык как инструмент вестернизации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II Международной научной конференции. Челябинск, 4—5 апреля 2013 г. / под ред. В. Г. Будыкиной. — Т. 2. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. — 355 с. — С. 143—151.
31. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. — 428 с.

32. Юдин, Э. Г. Развитие // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1975. — Т. 21 (Проба — Ременсы). — 639 с.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. shelestiuk@yandex.ru

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. boudeyko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 1 (423). *Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 159—171.*

LANGUAGE DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL LINGUISTIC APPROACH

E.V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, shelestiuk@yandex.ru

V.E. Boudeyko

Chelyabinsk State University, boudeyko@yandex.ru

The article presents the concept of language development, linguistic-constructivist teleology, the notion of developed language, including as applied to the language of international communication. The philosophical, methodological, linguistic criticism of the concept «development» is presented. With regard to language development, three aspects of the language are considered from L. V. Scherba's position: speech activity, language system and language material. We also consider three functions of speech activity according to V. V. Kolesov: communication, translation and transmutation. The properties of a developed language are highlighted, the question of the controversy of using a developed living language as a language of international communication is raised. The characteristics of language evolution and involution are determined. The importance of the activism and purposefulness of language development as a subjective factor of the process under study is indicated. The negative impact of restrictive, «subtractive» normalization of the language is emphasized.

Keywords: *development, language development, methodology, science, signs, derivation, derivatives, term, understanding.*

References

1. Ahmanova, O.S. Terminologija lingvisticheskaja (Linguistic Terminology) / O. S. Ahmanova // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / Ed.-in-Chief V. N. Jarceva. — М.: Sovetslaya enciklopedija, 1990. — P. 509.
2. Averky, Archmandrite. *Duhovnost' i dushevnost' (Spirituality and soulfulness)*. — Munich, 1949. — 12 p. // URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/\(29.07.2018\)](https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/(29.07.2018)).
3. Birzhakova, E.Je., Voinova, A.A., Kutina, L.L. Oчерки po istoricheskoy leksikologii russkogo jazyka (Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language) // *Jazykovye kontakty i zaimstvovanija (Language contacts and borrowing)*. VIII V. — L.: Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1972. — P. 259.
4. Boudeyko, V.E. Gnoseologicheskaja harakteristika slovarja russkih alfavitnyh derivatov (Gnoseological characteristic of the dictionary of Russian alphabetic derivatives) / V. E. Boudeyko // *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)*. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk. 2014. — № 3 (45). — Pp. 71—72.
5. Boudeyko, V.E. Mental'nye reprezentacii v russkih azbuchnyh derivatah (Mental representations in Russian alphabetical derivatives) / V. E. Boudeyko // *Kognitivnye issledovanija jazyka: Jazyk, poznanie, kul'tura: metodologija kognitivnyh issledovanij (Language, cognition, culture: methodology of cognitive research)*: Materials of the Intern. Congress on Cognitive Linguistics. Issue XVIII. 22—24.05.2014. Eds. N.N. Boldyrev;

E.I. Golovanova. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tambov: Tambov State University, Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2014. — Pp. 290—293.

6. Ganshina, K.A. *Francuzsko-russkij slovar' (French-Russian Dictionary)*. — Moscow: Rus. jazyk, 1987. — 963 p.: tabl.

7. Garshin, I. *Postanovka problemy: zachem nuzhen mirovoj planovyy jazyk? (Problem statement: why is the world planned language needed?)* // URL: http://www.garshin.ru/linguistics/model/crealinguistics.html#_why (01.11.2018).

8. Grinev-Grinevich, S.V. *Terminovedenie (Terminology Studies)* / S. V. Grinev-Grinevich. — M.: Akademiya, 2008. — 304 p.

9. Ilyin, I.A. *Collected Works: 10 Vols. V. 8. Vzglyad v dal'. Kniga razmyshlenij i upovanij (Look into the distance. The book of reflection and hope)*. — M.: Russkaya kniga, 1998. — 573 p.

10. Ioann (Snychev). *Odolenie smuty: Slovo k Russkomu Narodu (Overcoming distemper: A word to the Russian people)*. SPb.: «Carskoe Delo», 1995. — 352 p.

11. Khomyakov, A.S. *Complete works*. Ed. 3. — M., 1886. — V. 2. — Pp. 5—107.

12. Kireevskij, I.V. *O haraktere prosveshhenija Evropy (On the nature of the enlightenment of Europe)* // *Kritika i estetika (Criticism and aesthetics)*. — M.: Iskusstvo, 1979. — 456 p.

13. Kolesov, V. V. *Filosofija russkogo slova (The philosophy of the Russian word)*. — SPb.: JNA, 2002. — 448 p.

14. Kozhinov, V.V. *Rossija. Vek XX-j. (Russia. XXth Century)*. Istorija strany ot 1901 goda do «zagadochnogo» 1937 goda. Opyt bespristrastnogo issledovanija. — Moscow: Publishing house EKSMO-Press, 2002. — 448 p.

15. Kubrjakova, E.S. *Derivacija (Derivation)* / E. S. Kubryakova, Yu. G. Pankrats // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / ch. ed. V. N. Yartseva. — M.: Sov. Encyclopedia, 1990. Pp. 129—130.

16. Lejchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura (Terminology studies: subject, methods, structure)* / V. M. Lejchik. 3rd ed. — M.: LKI, 2007. — 256 p.

17. Leont'ev, K.N. *Hram i Cerkov' (The Temple and the Church)* / Konstantin Nikolaevich Leont'ev (1831—1891). — M.: AST, 2003. — 636 [4] p.

18. Meshherskij, N.A. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (A History of the Russian literary language)*. — L.: Publishing House of Leningrad. Univ., 1981. — 280 p.

19. NKRYa — *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (National Corpus of the Russian language)*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

20. Piperski, A.Ch. *Konstruirovanie jazykov: Ot jesperanto do dotrakijskogo (Language Design: From Esperanto to Dothraki)*. — Moscow: Alpina non-fiction, 2017. — 223 p.

21. RNS — *Russko-nemeckij slovar' (Russian-German dictionary)*. 53 000 words / ed. E. I. Leping, N. P. Strakhovoi, K. Lane, R. Eckert. — M.: Publishing house «Russian language», 1978. — 847 p.

22. Scherba, L.V. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' (Language System and Speech Activity)* [Text]: Work Collection / Ed. L. R. Zinder, M. I. Matusевич; Academy of Sciences of the USSR. — Leningrad: Nauka. Leningrad branch, 1974. — 428 p.

23. Serebrennikov, B.A. *Zakony razvitija jazyka (Laws of language development)* // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / ch. ed. V. N. Yartseva. — M.: Sov. Encyclopedia, 1990. — Pp. 159—160.

24. SESRYA — *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka (Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language)* / Ed. M. N. Kozhina, E. A. Bazhenova, M. P. Kotjurova, A. P. Skovorodnikov. — M.: Flinta: Nauka, 2003. — 696 p.

25. Shansky, N. M. and others. *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (A brief etymological dictionary of the Russian language)*. Ed. 2nd, Corr., Ext. / Ed. S. G. Barkhudarova. — M.: Prosveshhenie, 1971. — 541 p.

26. Shapovalova, O.A. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (Etymological dictionary of the Russian language)*. — Rostov-on-Don: Phoenix, 2009. — 240 p.

27. Shelestyuk, E.V. *Anglijskij jazyk kak instrument vesternizacii (English as a tool of westernization)* // *Sud'by nacional'nyh kul'tur v uslovijah globalizacii (The fate of national cultures in the context of*

globalization). A collection of materials of the II International Scientific Conference. Chelyabinsk, April 4—5, 2013 / Under the editorship of V. G. Budykina. — Vol. 2. — Chelyabinsk: Encyclopedia, 2013. — 355 p. — Pp. 143—151.

28. Slavjatinskaja, M.N. Grecheskij jazyk (The Greek language) // *Pravoslavnaja jenciklopedija (Orthodox Encyclopedia)* / Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. — M.: Central Scientific Research Center «Orthodox Encyclopedia», 2006 — T.XII. — Pp.436—443.

29. Stepanov, Ju.S. Jazyk. Prichina i Cel' Jevoljucii (Language. The Cause and Purpose of Evolution) / *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury (Constants: Dictionary of Russian culture)*. Ed. 2nd, Corr., Ext. — Moscow: Academic Project, 2001. — Pp. 903—972.

30. Uhtomskij, A.A. *Dominanta (Dominant)*. — SPb.: «Piter», 2002. — 448 p.

31. Vasil'eva, N.V. Termin (Term) / N. V. Vasil'eva // *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary)* / Ch. ed. V. N. Yartseva. — Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1990. — p. 508—509.

32. Yudin, E.G. Razvitie (Development) // *Bol'shaja sovetskaja enciklopedija (The Great Soviet Encyclopedia)* / Ch. ed. A.M. Prokhorov. — M.: Sovetskaja encyclopedia, 1975. — Vol. 21.